

Гита и Махабхарата

Древнеиндийский эпос «Махабхарата» считается длиннейшей поэмой в мире.

В своей изначальной форме она состоит из двадцати четырех тысяч стихов, но со временем количество стихов в ней увеличилось до ста тысяч. Как и Ветхий Завет, «Махабхарата» — это не цельное повествование, но собрание историй. Ее центральная тема — как показывает название — это история потомков царя *Бхарата*¹ и древней Индии — той земли, где жили и правили дети Бхараты.

И есть в «Махабхарате» один небольшой фрагмент — разговор принца *Арджуны* и его возничего, воплощения бога-хранителя *Вишну*, Кришны. Этот отрывок давно перерос саму «Махабхарату» и стал самостоятельной книгой — одной из самых священных книг не только индуизма, но и всего человечества. Она называется «Бхагавад-гита» — «Песня Бога».

Знаменитый ученый Вильгельм фон Гумбольдт назвал «Бхагавад-гиту» *«прекраснейшей, быть может, единственно истинной философской песнью из существующих на каком-либо языке»*. Максими-

¹ Толкование всех терминов, выделенных курсивом, можно найти в Глоссарии в конце книги. — *Прим. ред.*

Предисловие переводчика

лиан Волошин писал: *«„Бхагавад-гита“ — это одно из величайших Евангелий человечества».*

Сами индусы считают ее одним из трех важнейших текстов индийской философии наряду с «Упанишадами» и сутрами *Веданты*. Ученые не могут указать точного времени ее создания, но считается, что она была написана за много веков до нашей эры. А сама книга, состоящая всего из 18 глав и 700 стихов, представляет собой философскую беседу принца Арджуны и его друга — бога Кришны, одного из воплощений Вишну. Кришна так просто и ясно растолковывает Арджуне понятия долга, жизни, философии Веданты и практики йоги, что за многие века «Гита» становится священной книгой.

В XVII веке ее переводы распространились в арабском мире. Европа познакомилась с «Гитой» в 1785 году, когда санскритолог Ч. Уилкинс впервые перевел ее на английский язык. О ней восторженно отзывались Гете и Гейне, Шелли и Эмерсон, Гегель и Шопенгауэр, Бетховен и Гессе, Роден и Швейцер, Лев Толстой и Бунин, Эйнштейн и Юнг, Неру и Махатма Ганди. Олдос Хаксли писал: *«„Бхагавад-гита“ — наиболее полная энциклопедия духовного развития, совершенное выражение ценностей, без которых немислимо существование человечества».*

В России «Гита» впервые появилась с приходом в Астрахань индийских купцов в начале XVII века, однако широко о «Бхагавад-гите» в России узнали только в 1788 году, после того как ее впервые на русском языке издал известный просветитель,

Предисловие переводчика

писатель и журналист Н. И. Новиков. Перевод был сделан с английского источника и назывался «Багуад-гета, или Разговор Кришны с Арджуном». В XIX веке «Бхагавад-гита» получила широкую известность среди русской интеллигенции.

Екатерина II одобрила книгу, а Священный Синод благословил «Разговор Кришны с Арджуном» к изданию, сочтя его «книгой душеполезной». Ведь еще святой Августин сказал: *«То, что называется христианской религией, существовало среди древних, и никогда не было такого, чтобы она не существовала — с начала человечества и до пришествия Христа»* (De Vera Religione, 10).

Считается, что «Бхагавад-гита» может служить практическим руководством как в духовной, так и в материальной сферах жизни. Часто «Бхагавад-гиту» характеризуют как один из самых уважаемых и ценимых духовных и философских текстов не только традиции индуизма, но и религиозно-философской традиции всего мира.

Когда я читаю книги, описывающие индийский взгляд на мир и Бога, — такие как «Катха-упанишада» и «Бхагавад-гита», у меня — непонятно почему — возникает ощущение узнавания чего-то естественного и изначально мне знакомого. Ну да, все так и есть, и в «Гите» это сказано самими про-

Предисловие переводчика

стыми и ясными словами — так ощущаю я; а что, разве можно как-то по-другому?

Моя задача как переводчика состояла в том, чтобы пересказать содержание сказанного в «Гите» самым простым русским языком. Я постарался избавиться от обычного — важного и напыщенного — поэтического стиля, потому что, на мой взгляд, Бог, говорящий здесь в лице Кришны, не может говорить неестественным языком. Речь Бога бесконечно естественнее речи людей, потому что Он и есть — Естественность и Простота. Поэтому я решил: чем проще и яснее будет перевод, тем лучше.

Из этого я и исходил. А чтобы добиться искомого результата, сначала я перевел на русский язык привычный мне текст Кристофера Ишервуда, потом несколько лет сравнивал свой перевод каждого стиха с переводами А. А. Петрова (1788), А. А. Каменской и В. де Манциарли, Б. Л. Смирнова, В. Г. Эрмана, В. С. Семенцова, Свами Прабхупады и С. М. Неаполитанского и искал слова, которые передавали бы суть сказанного максимально ясно и прямо.

Получилось ли это — судить вам.

Спасибо.

бг

1

СКОРБЬ АРДЖУНЫ

Все началось с того, что в древние времена в Индии шла война между двумя родственными царскими кланами — *Пандавов* и *Кауравов*. И те и другие были потомками царя Бхараты.

Исход войны должен был решиться в великой битве. Перед сражением слепой царь Кауравов *Дхритараштра* спрашивает у своего министра Санджаи, которому богами было даровано ясновидение, что происходит на поле битвы.

Дхритараштра:

- 1 Скажи мне, Санджая, что делали мои дети и сыны Панду, когда они, готовые к бою, собрались на священном поле *Курукшетры*?

В последующих стихах Санджая описывает, как Дурьодхана, старший из братьев Кауравов, увидев готовую к битве армию своих противников Пандавов, пошел к своему учителю Дроне и поделился опасением, что его собственная армия — слабее, хотя и превосходит противника числом. Он называет основных воинов с обеих сторон. Это один из тех фрагментов-перечислений, который можно найти почти в любом эпосе. Нет необходимости переводить его целиком.

Для того чтобы поддержать убывающую смелость Дурьодханы, главнокомандующий

1. Скорбь Арджуны

его войском *Бхишма* трубит в раковину. Но этот поступок оказывается неблагоприятным — военачальники *Пандавов* немедленно тоже начинают трубить, и звук их труб оказывается значительно громче. Как сказано, звук их труб «отозвался эхом на земле и в небесах».

И вот принц *Пандавов*, *Арджуна*, обращается к *Кришне*, своему другу и возничему. (Прим. переводчика.)

Арджуна:

21–22 *Кришна*, останови мою колесницу
Там, где воины, рвущиеся в битву,
Глядят на своих врагов.
Останови ее меж двух армий
И дай мне увидеть
Тех, с кем я буду сражаться,
Собравшихся нынче вместе
По команде царя;
Злые отпрыски
Слепого *Дхритараштры* —
Вот кто мои враги
В наступающей битве.

Санджая:

Тогда Кришна, исполняя просьбу Арджуны, направил колесницу в место,

1. Скорь Арджуны

расположенное между двух армий, встав лицом к лицу с Бхишмой, Дроной и всеми другими царями Земли. И сказал: «О принц, смотри на собравшихся Куру».

И принц посмотрел на собравшиеся армии, и в обеих он увидел отцов и дедов, учителей, дядей, сыновей, братьев, внуков, тестей, близких друзей и множество знакомых лиц.

Когда Арджуна увидел своих родственников, его переполнила глубокая жалость, и он сказал с отчаянием:

Арджуна:

28–34 Кришна, Кришна,
Вот я смотрю
На своих родных,
Собравшихся на битву, —
И ноги мои слабнут,
Рот пересох,
Тело трепещет,
Волосы дыбом,
Кожа горит;
Мой лук Гандива
Выпадает из рук,
Мысли блуждают;
Мне не выдержать этого:
Кришна, я вижу

1. Скорбь Арджуны

Дурные знаки!
На что мы можем
Надеяться, убивая
Своих соплеменников?
На что мне эта
Победа, царство?
Где от них радость?
Как я могу
Думать о власти и наслаждениях,
Даже о собственной жизни,
Когда все они —
Учителя, отцы, деды,
Дяди, сыны и братья,
Мужья сестер, внуки,
Кузены — все, благодаря кому
Я мог бы радоваться жизни, —
Стоят здесь, готовые
Отдать свою жизнь и богатства
В войне против нас?

35 Пусть даже я буду убит —
Их я убивать не хочу
Даже ради трона трех миров;
Что уж говорить о земной власти!

36–37 Кришна, нам не принесет радости
Смерть сыновей Дхритараштры;
Пусть даже они — зло,
Худшие из злодеев;
Однако, если мы убьем их,
Наш грех будет страшнее.

1. Скорбь Арджуны

Как я осмелюсь пролить
Кровь, роднящую нас?
Какую радость найду
В убийстве своих родных?

38–39 Пусть их сердца мерзки
И слепы от жажды наживы:
Пусть они не видят дурного
В нарушении уз крови,
Не видят греха, предавая
Своих товарищей;
Но мы, что видим все ясно,
Предвидя уничтожение
Рассеянных здесь семей, —
Не должны ли мы отказаться
От этого преступления?

40 Когда истребляется род,
Гибнут его традиции:
Пропадают его законы,
Наступает беззаконие.

41–42 А когда исчезают законы —
Женщины развращаются,
Происходит смешение каст,
Прекращаются ритуалы,
И души предков, лишённые подношений,
Оказываются в аду.

43–44 Так губители рода
Уничтожают порядок вещей,

1. Скорбь Арджуны

Порождают смешение каст
И оказываются в аду.

45 Что же за преступление
Мы здесь задумали, Кришна?
Самое омерзительное —
Братоубийство.
Неужели я действительно
Так сильно жажду величия?

46 Нет уж; тогда скорее
Пусть злобные дети
Дхритараштры выходят
Со всем своим оружием
Против меня в битве:
Я не стану бороться,
Не нанесу ни удара,
Пусть они убивают меня.
Так будет лучше.

Санджая:

47 *Сказав это, Арджуна бросил свой лук
и стрелы на середину поля. Он опу-
стился на дно колесницы, и сердце его
было переполнено скорбью.*